

УДК (015:902:908)(47)Крым; ГРИНЕВИЧ

**«Я СОБИРАЮСЬ ПРИВАТ-ДОЦЕНТСТВОВАТЬ
В ТАВРИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ»:
К. Э. ГРИНЕВИЧ В КРЫМУ (1919–1921)**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail:dr.aan@mail.ru*

На основе малоизвестных архивных источников (материалов научных архивов музеев-заповедников: Херсонес Таврический и Восточно-Крымский), а также неизвестных ранее статей из местной периодической печати революционных лет восстановлен насыщенный событиями керченский период жизни одного из крупнейших крымоведов советской эпохи, видного музейного работника всесоюзного масштаба Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970). Вынужденно отлученный от столицы перипетиями фронтов гражданского противостояния, доцент Петроградского университета Гриневич, прожив год в Харькове, обратился к коллеге – директору Музея и раскопок в Херсонесе Л. А. Моисееву с просьбой о возможности работы в Крыму. Желание К. Э. Гриневича читать лекции в Таврическом университете в качестве приват-доцента было реализовано. Он получил искомую должность и читал курсы, периодически приезжая из Керчи. Благодаря протекции Л. А. Моисеева Гриневич занял должность директора Керченского музея древностей и развернул активную работу по охране культурного наследия, пропаганде среди местного населения археологической культуры. Ученый принял самое деятельное участие в организации археологических курсов на базе музея, из которых потом возник Боспорский университет. В Керчи были напечатаны в местных газетах и отдельными изданиями целый ряд его публикаций, которые до настоящего времени оставались неизвестными исследователям творчества ученого и историкам музейного дела, т. к. они не вошли в подготовленные библиографические указатели сочинений К. Э. Гриневича. Эти публикации впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: К. Э. Гриневич, Керченский музей древностей, археологические курсы, охрана объектов культурного наследия.

Исследованию биографии и творчества одной из знаковых фигур крымоведения – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) посвящены лишь единичные разработки [1]. В основном биография музейного деятеля только кратко освещена в многочисленных энциклопедических справках и памятных статьях к юбилеям. Малоизученным из-за неизвестного круга источников остается «керченский» период биографии историка. Вместе с тем именно этот период, когда К. Э. Гриневич был директором Керченского музея древностей, по его словам, занимал «этот ответственный и, можно сказать, исторический пост» [2], оказал значительное влияние на его дальнейшую судьбу. Выделим в этой связи небольшое, но содержательное исследование сотрудника Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Лидии Михайловны Лазенковой, в котором на основе материалов научного архива заповедника и наших работ сделана попытка проследить, чем занимался К. Э. Гриневич во время работы во главе музея в Керчи, нарисовать исторический фон той непростой эпохи.

Еще в 1915 году К. Э. Гриневиц начал работы в археологической экспедиции на Таманском полуострове под руководством директора Керченского музея древностей Владислава Вячеславовича Шкорпила (1853–1918), который раскапывал курган Малая Близница. Поездки в Крым впоследствии стали ежегодными. Молодой исследователь совместно с В. В. Шкорпилем занимался раскопками на Керченском полуострове, а беспокойным летом 1918 года К. Э. Гриневиц впервые посетил Херсонес, где принял участие в исследованиях, проводимых Лаврентием Алексеевичем Моисеевым (1882–1946). В Петроград Гриневиц вернуться тогда не смог и остался в Харькове.

24 июля 1919 года Константин Эдуардович писал Л. А. Моисееву из Харькова:
«Глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич.

Как Вы живете, как обстоит дело с раскопками, с музеем? Год моего пребывания и работы в Харькове дал отрицательные для меня результаты: я был настолько обременен разными ненужными для меня работами (только для заработка), что научно не смог заняться: я не написал ни одной работы! Если будет еще один такой год, – я погибну. Ведь дело в том, что в Харькове мне, занимающемуся классическими древностями нашего Юга, нечего делать: ни древностей, ни библиотеки! И вот я решил, и решил серьезно, переехать из Харькова к вам на юг.

Теперь поднимается вопрос о том, а откуда добывать средства к пропитанию? И вот здесь я обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич, как к соратнику, с покорнейшей просьбой о содействии. Прежде всего, мне хотелось бы быть полезным Археологической Комиссии, может быть, можно устроиться при ней – в Севастополе ли или в Керчи? Лучше в Севастополе (т. е. Херсонесе) вот почему: я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете, который в 1920 переедет в Севастополь, а пока что можно будет раз в неделю наезжать в Симферополь для чтения курса. Но приват-доцентство – вещь далеко не хлебная! А надежды на лучшее устройство при Университете – нет.

Кроме того, если в Комиссии я никакого места получить не смогу (хотелось бы в Севастополе), может быть, можно позондировать почву в севастопольских гимназиях. Могу преподавать историю, латынь, немецкий язык и русский язык.

Простите, что затрудняю Вас этими докучными своими просьбами – поддержите их. К сожалению, в жизни каждого из нас бывают переходные периоды, когда он должен докучать и беспокоить своих ближних...

Премногим обяжете!

Преданный К. Гриневиц

Харьков. Конторская, 59.

PS. Во второй половине августа я лично побываю в Севастополе. Разрешите остановиться в одной из пустых комнат дома Археологической Комиссии? У меня нет сейчас в Севастополе никого – ни родных, ни знакомых» [3].

В этих обстоятельствах Л. А. Моисеев решил поспособствовать устройству К. Э. Гриневица директором Керченского музея древностей, тем более что в Керчи ощущался дефицит в компетентных кадрах. Со 2 января 1919 года официальным директором значился местный табачный фабрикант Петр Константинович

Месаксуди (1875–1952), руководство которого имело формальный характер. В апреле 1919 года семья Месаксуди на специально зафрактованном пароходе выехала из Керчи во Францию. Музей остался без руководителя, хотя фактически этим занималась вдова В. В. Шкорпила – Лидия Харламбиевна [4, с. 21–22].

Л. А. Моисеев обратился в Управление народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России с ходатайством о назначении К. Э. Гриневича директором музея в Керчи. Эту идею горячо поддержала Лидия Харламбиевна Шкорпил, которая активно противодействовала возможности занятия этой должности преподавателем местной гимназии Юлием Юльевичем Марти (1874–1959), к которому испытывала неприкрытую антипатию. Специальным приказом приват-доцент Петроградского университета К. Э. Гриневич 6 ноября 1919 года был назначен на должность директора Керченского музея древностей. Лаврентий Алексеевич отписал в Харьков о положительном решении вопроса о трудоустройстве К. Э. Гриневича и интересовался, согласен ли он работать не в Херсонесе, а именно в Керчи. При этом Моисеев оговаривал возможность не выселять вдову В. В. Шкорпила – Лидию Харламбиевну из ее квартиры при Музее, констатируя, что в здании найдутся иные жилые помещения для комфортного размещения нового директора. Руководитель музея и раскопок в Херсонесе просил К. Э. Гриневича поспособствовать началу возвращения эвакуированных в начале Первой мировой войны в Харьков фондов Херсонесского музея.

24 августа 1919 года К. Э. Гриневич, проинформированный Л. А. Моисеевым о новом назначении, отвечал в Севастополь:

«Глубокоуважаемый Лаврентий Алексеевич!

Не без волнения прочел Ваше письмо – примите искреннюю благодарность за дружественную помощь – значит мне открылась прекрасная возможность научно, на месте, работать в любимой области! – это ли не земное счастье! Большое Вам спасибо за поддержку и хлопоты – буду всемерно стараться оправдать Ваше доверие.

Буду ждать Вашу официальную бумагу о назначении, а что касается утверждения – что посоветуете сделать? Не съездить ли к министру в Ростов? Или может быть Вы, как Председатель Комиссии, пошлете ему мои биографические сведения и список трудов, если понадобится? Премного обяжете, и будет, думаю, проще.

С величайшей готовностью займусь реэвакуацией херсонесских древностей. Они до последнего времени были целы и невредимы. Но, конечно, я еще раз наведу к ним.

С квартирой и вдовой В. В. Шкорпила – я думаю, дело уладится – я человек сговорчивый и мы полюбовно сговоримся и относительно должности и относительно квартиры. Мне, так как я живу с мамой, желательно иметь две комнаты при музее, что вероятно будет. Мне было бы крайне желательно съездить к Вам и взять у Вас сведения об управлении Музеем – Вы понимаете, что бы быть au courant дела и дело исполнять точно, энергично и как следует. Таким образом, отвечая на Ваше письмо в общем – я должен сказать, что не только согласен

принять поручаемый мне ответственный и, можно сказать, исторический пост, но крайне признателен и благодарен за оказываемую мне честь. При сем прилагаю краткие биографические сведения и список печатных трудов.

Глубоко преданный К. Гриневич» [5].

Лаконичные строчки «Отчета по управлению Керченским музеем древностей в период с 16 ноября по 31 декабря 1919 г.» повествуют нам о первых мероприятиях нового директора: «Прибыв в Керчь, я произвел подробный осмотр вверенного имущества <...> древние памятники на месте, хотя подробной инвентарной проверки по описям произвести не удалось в виду распыления памятников по отделениям Музея. Помещение, занимаемое Музеем, хотя и небольшое, но вполне отвечающее своему назначению» [6]. Директор привел описание состояния здания музея на горе Митридат, Царского и Мелек-Чесменского курганов. Он отметил необходимость ремонтных и укрепительных работ, вызванных бомбардировками Керчи в годы Первой мировой войны и событиями гражданских противостояний весной 1919 года, когда белогвардейцы осаждали Аджимушкайские каменоломни, где базировался «красный» партизанский отряд. Директор сделал акцент на плохом состоянии росписи Мелек-Чесменского кургана, которая «повреждается и осыпается» [7]. В отчете имеется информация и о мероприятиях по консервации объектов: «Мною приняты меры в виде установки временных деревянных подпор, которые прослужат до весны» [8]. Из этого документа становится известным и о том, чем занимался сам К. Э. Гриневич в своей повседневной работе: «Состоящая при Музее древностей библиотека историко-археологического содержания приводится мною в порядок с составлением исправленного каталога и точной нумерации полок и шкафов. Кроме того, мною написан и на днях выйдет из печати краткий историко-археологический спутник по Керченскому Музею Древностей, содержащий научно-популярное введение и краткий каталог музея» [9].

Такое издание объемом 16 страниц увидело свет в 1919 году. В предисловии К. Э. Гриневич отметил: «Большая нужда в печатном каталоге чувствуется уже давно. Дирекция Музея занята теперь подготовкой издания систематического каталога всех хранящихся древностей, в первую очередь, отдела расписных ваз и памятников статуарной пластики. Тем не менее, мы решили выпустить этот краткий археологический спутник по нашему Музею, в уверенности, что для широкой публики он временно заменит систематический каталог хранящихся памятников» [10]. Отмечая, что «мы являемся современниками великой исторической эпохи. На наших глазах сшиблись в кровавой схватке почти все народы земного шара, на наших глазах великие мировые державы разлетались как карточные домики и на их обломках созидались другие», автор пояснял: «Поэтому мы должны особенно интересоваться историей – наукой о прошлом и ее верной спутницей – археологией». Как свидетельствует указатель, все древние памятники, находившиеся в ведении дирекции Керченского музея древностей, располагались как в главном здании, так и в отделении музея на горе Митридат (древнегреческие надгробия, «рукописный каталог которых хранится у сторожа», коллекция греческой и римской посуды, терракоты и бусы), в Царском кургане (эпиграфические памятники, надгробные статуи, обломки усыпальниц, храмов и

домов) и отделении музея в Мелек-Чесменском кургане, который только в 1918 году перешел в ведение дирекции, а до того принадлежал Одесскому обществу истории и древностей (эпиграфические памятники, с каталогом и переводом содержания которых мог познакомить хранитель этого объекта Ю. Ю. Марти) [11].

Из документов К. Э. Гриневича этого периода, отложившихся в архиве Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, интересен и его отчет о поездке в ноябре 1919 года на Тамань с целью ознакомления с состоянием раскопок. Впечатление у археолога осталось «безотрадное». Он отметил, что все раскопки расхищаются кладоискателями. Директор предложил сохранять в Тамани «агентуру» Керченского музея древностей, для содержания которой он разработал и отправил в Ростов-на-Дону подробную докладную записку и проектную смету расходов, на которую так и не получил ответа [12].

В сложные времена гражданского лихолетья, частой сменяемости власти, обесценивания денежных знаков, когда активизировались работы по кладоискательству в окрестностях Керчи, молодой директор музея понимал, что бороться с таким явлением можно только опираясь на местное население – актив подвижников краеведения. С этой целью он решил создать при музее историко-археологическое общество. 1 декабря 1919 года состоялось заседание инициативной группы и Константин Эдуардович занялся подготовкой документов для регистрации этой общественной организации в Симферопольском областном суде. Проект устава Общества был составлен им на основе учредительных документов Одесского общества истории древностей и Русского археологического общества. Для привлечения к работе по охране исторического наследия Керчи и окрестностей населения им было подготовлено летучее издание – листовка «Общество и Музей», которое было расклеено в городе:

«Мы живем в Керчи, Древнегреческой колонии, впоследствии столице некогда могучего Босфорского царства, которое известно всему образованному миру замечательными древностями. Найденные памятники изучали и изучают, но только все это остается достоянием тесного круга интересующихся этими памятниками специалистов-ученых. В толще широкой публики современных жителей этих, богатых находками, мест интерес к древностям был и есть очень слаб. Всегда, правда, находились десятка два-три страстных любителей – из среды интеллигентного общества, да человек сто из среды крестьян, которые видели в древностях средство к обогащению и тайно занимались варварским разграблением древних могил. Этим, собственно говоря, и ограничивался интерес местных жителей к старине края. Ученый интерес к ним проявлялся не в Керчи, а в крупных центрах, как например, в Петрограде, в Москве, Одессе, Симферополе. Но теперь, в связи с условиями переживаемого времени, необходимо другое отношение на местах к памятникам древности. Необходимо, чтобы все поняли, что эти памятники выходят по своему значению за пределы времени и места, принадлежат частным лицам только случайно и временно, а на самом деле принадлежат государству и Науке, которая строит на них свои выводы. Чем глубже в обывательскую среду проникает идея, что памятник древности есть научное достояние всего человечества, а, прежде всего, того государства, в пределах которого он найден, и

что для понимания этих памятников необходимо проверено точные знания обстоятельств их находки, – тогда у нас будет совсем иное отношение к этим памятникам. Сейчас мы переживаем эпоху гражданской междоусобной войны, когда вся страна сделалась ареной сражения, в которых гибнут не только люди, но и предметы. Кроме того, в эту эпоху смуты обычно сильно бывают развиты грабежи, а также хищнические кладоискательства, что мы сейчас и наблюдаем в Керчи и на Таманском полуострове. Положить предел всему этому может только свет просвещения, которых откроет глаза невежд на значение памятников. Ведь надо понять, что не всякое раскапывание могил есть преступное кладоискательство. Могилы раскапываются с целью узнать, какие люди, когда и как здесь жили, как они смотрели на свою судьбу за гробом и т. д. Для получения этих знаний о прошлом необходимо знать не только содержимое могил, но и устройство самой гробницы. При хищнической раскопке, когда ищутся только ценные, в обычном значении, вещи, погребение для Науки обесценивается, а равно и находки в нем. Поэтому, если кто желает производить раскопки, пусть обращается к Дирекции Керченского Музея еще до начала раскопок и в присутствии специалиста от музея может свободно раскапывать. Все самочинные кладоискательства будут строго преследоваться привлечением виновных в административном порядке. С целью пропаганды в обществе историко-археологических сведений Дирекция Музея организывает по воскресеньям осмотр Музея под руководством специалиста, где будут даваемы лекционные объяснения научно-популярного характера. Для частной публики начало объяснений будет в 11 часов по воскресным дням, для групповых осмотров Музея, для учебных заведений под руководством специалиста в часы – по предварительному соглашению. Музей открыт ежедневно от 9 до 2-х часов дня (угол Мещанской и Магистратской). Вход бесплатный с предложением лекций и групповых осмотров музея» [13].

С целью пропаганды необходимости охраны культурного наследия директор музея задумал организацию специальных трехмесячных историко-археологических курсов. Он считал, что в Керчи необходимо открыть Археологический институт наподобие существовавших в досоветское время в Санкт-Петербурге и Москве. Курсы же, по его мнению, должны были стать первой ступенькой к открытию такого института [14]. Они были торжественно открыты 19 января 1920 года при музее. Учредителям довольно скоро стало понятно, что только исторической тематикой не соберешь достаточного количества слушателей, тем более что курсы носили коммерческий характер. В столь сложное время в Керчи, как и в других крымских городах, оказалось много представителей научной интеллигенции, профессоров различных вузов, спасавшихся тут от сложностей революционного времени. Эти научные кадры группировались вокруг музея – единственного в Керчи известного на всю страну культурного центра.

К. Э. Гриневиц неоднократно выступал с публикациями в местной периодической печати, где рассказывал о работе культурно-просветительских курсов. Эти небольшие газетные заметки, подписанные «К. Г.», до настоящего времени оставались неизвестными исследователям творчества ученого. Они не включены ни в один из опубликованных списков трудов К. Э. Гриневица. Из этих

публикаций становится известным, что читались лекции не только историко-археологического содержания. Чтобы привлечь больше слушателей, много внимания уделялось актуальным и злободневным на тот момент проблемам государственности, социальным юридическим институтам. Так, профессор Н. И. Палеенко прочитал лекцию «Формы государственного правления», Б. В. Попов – «Индивидуализм и социализм в праве» [15]. Не все темы одинаково с интересом воспринимались публикой, так в другой заметке К. Э. Гриневиц сетовал, что лекции профессора Б. В. Попова – одного из учредителей народных курсов – привлекают мало людей [16].

Константин Эдуардович имел опыт чтения лекций в Петроградском университете. Реализовалось и его желание получить должность приват-доцента в Таврическом университете. По договоренности с руководством историко-филологического факультета он читал лекции блоками, специально приезжая на несколько дней из далекой от Симферополя Керчи. Естественным было стремление ученого к организации аналогичного вуза непосредственно в Керчи.

В содержательной статье «Насущные задачи просвещения» К. Э. Гриневиц остановился на предпосылках, способствовавших созданию Боспорского университета в Керчи. Эпиграфом к статье стала строчка А. С. Пушкина «На попроще ума нельзя нам отступать». Автор статьи отмечал: «Новые условия военно-революционного времени, эпохи лихорадочного строительства новой жизни, требуют все новых и новых рассадников народного просвещения, не только низшего и среднего, но и высшего и внешкольного! Необходимо приноровиться к этим новым требованиям, властно диктуемым условиями момента.

В связи с политической бурей расстроился транспорт, стало невозможным посылать своих детей учиться в большие университетские города, как это было раньше. Поэтому, согласно пословице, если «Магомет не идет к горе, то гора должна идти к Магомету», – сильнее стала чувствоваться необходимость иметь университет в более мелких провинциальных городах, ибо жизнь не ждет, образование детям давать надо, а кроме того государственные интересы страны властно требуют создания все новых и новых культурных работников.

Эти же причины стали побудительными при создании Боспорского университета в Керчи. В самом деле: выпуск за выпуском все средние учебные заведения Керчи дают большое число будущих культурных работников, но только немногие могут поехать в Симферополь для продолжения образования. Большинство же по соображениям финансовым и домашнего характера должны оставаться дома, в Керчи и пропускать год за годом за пустой домашней работой, не говорящей ни уму, ни сердцу» [17]. Автор сообщает, что 1 марта 1920 года в Керчи уже открыт коммерческий экономический факультет, «как отвечающий данному моменту». Отдел народного просвещения окончательно разрешил открытие «Общественного городского Боспорского университета», занятия в котором начинаются с сентября.

На работавших под руководством К. Э. Гриневица при музее курсах также активно сотрудничали сотрудник музея Юлий Юльевич Марти, директор Кременчугской гимназии (родной брат жены Ю. Ю. Марти) В. М. Гуссов, профессор Университета Св. Владимира Митрофан Викторович Довнар-

Запольский. Но наиболее активничал сам Константин Эдуардович. Из 141 лекции, заявленной на курсах, он прочитал 64: «Введение в археологию», «Классическая археология», «История античного искусства», «Древности Боспорского царства», «История Боспорского царства в связи с греческими колониями на Юге России» и др.

Интересную информацию о состоянии работы курсов предоставляет нам отдел «Хроника» издававшейся в это время в Керчи газеты «Русское дело». Так, 22 сентября 1920 года сообщалось, что «на открываемых в конце сентября при Керченском музее древностей археологических курсах директор музея К. Э. Гриневич прочел “Курс истории античного искусства”» [18]. 27 сентября газета писала о лекции К. Э. Гриневича на тему «Что такое искусство» [19]. 3 октября сообщалось об открытии 4 октября в 11 часов «после молебна» второго цикла археологических курсов: «Вступительную речь директор музея К. Э. Гриневич посвятит подробному выяснению целей и задач курсов, а так же намеченной программе предстоящей работы с указанием применений чтения лекций и практических занятий по истории античного искусства и археологии. Курсы будут сопровождаться интересными световыми картинками» [20]. 7 октября населению города извещалось, что «после длительного перерыва возобновляются в помещении “Гранд-Вио” культурно-просветительские лекции. 10 октября П. М. Федотов прочтет лекцию на тему “Начало Русского государства и его историческая роль в первые века своего существования”. 11 октября приват-доцент К. Э. Гриневич прочтет лекцию на тему “Археологические достопримечательности Керчи” После лекции будет устроена экскурсия на развалины» [21].

В связи с тем, что курсы моли существовать только на принципах самокупаемости и создавались исключительно для поддержания ученых, оказавшихся в Керчи, созданный Совет археологических курсов принял решение взимать плату со слушателей в размере 500 рублей. При этом учащиеся-гимназисты и студенты Боспорского университета оплачивали 350 рублей. Так как деньги были не у всех, то значительная часть посетителей занималась на курсах в долг. От оплаты освобождались и гости, бесплатно посещавшие курсы. Из 20060 рублей собранных денег 920 ушло на открытие курсов, 560 – на керосин для освещения. Каждый лектор получал за лекционный час от 50 до 90 рублей. Предполагалось издание конспектов в виде отдельных брошюр [22]. Собрания проходили три раза в неделю, затем перешли на двухразовое чтение лекций. Слушателями были люди разного уровня подготовки и материальных возможностей. Часто это были супруги, которые приходили с детьми [23].

К. Э. Гриневич на посту директора заботился и о производстве коммерческих изданий, которые музей печатал с целью продаж. Так, на французском языке К. Э. Гриневичем был составлен и напечатан путеводитель по музею, который кроме исторического очерка о древнем Пантикапее включал описание экспозиции, посвященной Боспорскому царству [24]. Русскоязычную версию данного материала, расширенную и значительно дополненную, выявила научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Т. А. Прохорова в научном архиве этого учреждения. В фонде

Л. А. Моисеева хранится дело с перепиской музеев Керчи и Херсонеса. Архивная единица сформирована в 1975 году, несмотря на недатированность ряда документов. В этом деле имеется черновая рукопись, озаглавленная «Пантикапей» – комментированный конспект статьи из «Большой энциклопедии: словаря общедоступных сведений по всем отраслям знания», изданной под редакцией С. Н. Южакова. Несмотря на то, что составителями дела авторство приписано Л. А. Моисееву, Т. А. Прохорова справедливо полагает, что автором документа является К. Э. Гриневич. Очевидно, данный конспект был подготовлен К. Э. Гриневичем во время работы над обстоятельной статьей по истории столицы боспорского царства, которую Константин Эдуардович планировал издать в виде отдельной книги, состоящей из пяти разделов. В ней планировалось продемонстрировать значение археологических открытий для разработки истории юга страны. Второй раздел должен был заключать характеристику древней истории Пантикапея. Третий – давал характеристику археологическим памятникам; четвертый – посвящался описанию типов погребений. Пятый раздел должен был дать характеристику и индексы всех стел из фондов музея и включал краткий каталог Музея Мелек-Чесменского кургана [25]. Сводный каталог терракот, подготовленный К. Э. Гриневичем для этого издания, сохранился в научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» [26]. Согласно данным «Жизнеописания директора Херсонеса Константина Эдуардовича Гриневича» [27] и списка научных трудов К. Э. Гриневича за 1927 год [28], работу над расширенным изданием путеводителя по керченским древностям К. Э. Гриневич продолжал на протяжении всей первой половины 20-х годов XX века. Она насчитывала 150 рукописных листов и планировалась к печати к началу работы Конференции археологов СССР в Керчи в 1926 году. Однако издать труд не удалось, хотя исследование способствовало бы введению в научный оборот ряда ценных сведений по истории изучения Керченского региона в начале XX века [29].

Последние из выявленных сообщений в разделе «Хроника» газеты «Русское дело» свидетельствуют, что «директор Керченского музея древностей, приват-доцент Таврического университета К. Э. Гриневич оставляет преподавание в Боспорском университете, где он занимал кафедру всеобщей истории» [30].

С установление советской власти на полуострове приходит время политических репрессий и жестокого голода 1921 года. К. Э. Гриневич, воспользовавшись восстановлением регулярного железнодорожного сообщения с центром, берет отпуск и фактически сбегает в Петроград, бросив Керченский музей древностей на произвол судьбы.

В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН нами выявлена содержательная переписка сотрудника Керченского музея (в последующем – директора) Юлия Юльевича Марти (1874–1959) с руководством Государственной академии материальной культуры в Петрограде. Письма проливают свет не только на историю музея в то сложное время, но и на отдельные страницы биографии К. Э. Гриневича. Ю. Ю. Марти сообщал в столицу 15 октября 1921 года о состоянии дел в музее: «Положение служителей

бедственное, жалование было по 1 мая. Т. к. трехмесячный отпуск Гриневича истек, он, видимо, решил остаться на жительство в Петрограде, я просил бы утвердить меня директором. Я получил историко-филологическое образование, окончил Историко-филологический институт по классическому отделению в 1897 году. Археологией занимаюсь с 1904 года. Тогда занял должность директора Мелек-Чесменского кургана» [31]. А вот строки из переписки того же Ю. Ю. Марти уже с самим К. Э. Гриневичем, находившемся в Петрограде. 19 августа 1921 года Ю. Ю. Марти, понимая, что директор не собирается возвращаться на свое официальное место работы, написал ему: «Если Вам удастся остаться в Петрограде, прошу ходатайствовать перед АИМК о назначении меня заведующим» [32]. Продолжая тему ужасного положения научных сотрудников музея, Ю. Ю. Марти сообщал тому же адресату в 1922 году: «Керчане один за другим бегут из Керчи. Становится как-то жутко в ожидании новой зимы. Кто уцелеет, а кто и нет. Борьба становится все тяжелее, а сил все меньше» [33].

Так закончилась «керченская эпопея» К. Э. Гриневича 1919–1921 годов – сложное, противоречивое время, когда ученый, не оглядываясь на обстоятельства, смог заявить как свои стойкие крымоведческие интересы, так и умение выживать в тяжелых условиях постоянной смены властей и краха экономики и финансов.

Список использованных источников и литературы

1. Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник: материалы, статьи, публикации, история археологии, рецензии / Харьковское историко-археологическое об-во. – Харьков, 2004. – С. 284–294.
Latysheva V. A. K. E. Grinevich kak arheolog // Drevnosti, 2004: Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik: materialy, stat'i, publikacii, istoriya arheologii, recenzii / Har'kovskoe istoriko-arheologicheskoe ob-vo.– Har'kov, 2004.– S. 284–294.
2. Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
3. Там же, л. 86–86 об.
Ibid, l. 86–86 ob.
4. Лазенкова Л. М. К. Э. Гриневич и Керченский музей древностей // Научный сборник Керченского заповедника / Керченский историко-культурный заповедник. – Керчь, 2006.– Вып. 1: К 180-летию Керченского музея древностей. – С. 20–33.
Lazenkova L. M. K. E. Grinevich i Kerchenskij muzej drevnostej // Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika / Kerchenskij istoriko-kul'turnyj zapovednik.– Kerch', 2006.– Vyp. 1: K 180-letiyu Kerchenskogo muzeya drevnostej.– S. 20–33.
5. Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
6. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 22.
Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 22.
7. Там же, л. 23.
Ibid, l. 23.
8. Там же.
Ibid.
9. Там же.

Ibid.

10. Гриневи́ч К. Э. Краткий археологический спутник по Керченскому музею древностей: вместо каталога / Керченский музей древностей. – Керчь, [1919].– 16 с.

Grinevich K. E. Kratkij arheologicheskij sputnik po Kerchenskomu muzeju drevnostej: vmesto kataloga / Kerchenskij muzej drevnostej.– Kerch', [1919].–16 s.

11. Там же.– С. 12.

Ibid, S. 23.

12. Лазенкова Л. М. Указ. соч.– С. 22–23.

Lazenkova L. M. Op. cit.– S. 22–23.

13. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 44–45.

Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeja-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 44–45.

14. Гриневи́ч К. Керченские археологические курсы // Голос жизни. – Керчь, 1920. – № 1. – 1 января.

Grinevich K. Kerchenskie arheologicheskie kursy // Golos zhizni.– Kerch', 1920. – № 1.– 1 yanvarja.

15. [Гриневи́ч К. Э.] Еще о курсах... // Русское дело.– Керчь, 1920.– № 56.– 13(26) августа. – С. 3. – Изд. под псевд.: К. Г.

[Grinevich K. E.] Eshche o kursah... // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 56.– 13(26) avgusta.– S. 3.– Izd. pod psevd.: K. G.

16. [Гриневи́ч К. Э.] Керченские культурно-просветительные курсы // Русское дело. – Керчь, 1920. – № 53. – 9(22) августа.– С. 3.– Изд. под псевд.: К. Г.

[Grinevich K. E.] Kerchenskie kul'turno-prosvetitel'nye kursy // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 53.– 9(22) avgusta.– S. 3.– Izd. pod psevd.: K. G.

17. Гриневи́ч К. Э. Насущные задачи просвещения // Русское дело.– Керчь, 1920.– № 46.– 31 июля (13 августа). – С. 2.

Grinevich K. E. Nasushchnye zadachi prosveshcheniya // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 46.– 31 iyulya (13 avgusta).– S. 2.

18. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920.– № 87.– 22 сент. (5 окт.).

Hronika // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 87.– 22 sent. (5 okt.).

19. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920.– № 92.– 27 сент. (10 окт.).

Hronika // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 92.– 27 sent. (10 okt.).

20. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920.– № 97.– 3(16) окт.

Hronika // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 97.– 3(16) okt.

21. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920.– № 100.– 7(20) окт.

Hronika // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 100.– 7(20) okt.

22. Лазенкова Л. М. Указ. соч. – С. 26.

Lazenkova L. M. Op. cit.– S. 26.

23. Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, оп. 5, д. 109, т. 2, л. 70–75.

Arhiv Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeja-zapovednika, op. 5, d. 109, t. 2, l. 70–75.

24. Grinévitsh C. L'Archéologie classique de Panticapée: introduction aux études archéologiques de Kertch.– Kertch, 1920.– 16 s.– (Серия: «Edition du Musée des antiquites de Kertch»; № 2).

25. Прохорова Т. А. Материалы по подготовке К. Э. Гриневи́чем работы «Древности Пантикапея»: по архивным документам Херсонесского музея-заповедника // Таврические студии.– 2016. – № 10.– С. 150–153.

Prohorova T. A. Materialy po podgotovke K. E. Grinevichem raboty «Drevnosti Pantikapeya»: po arhivnym dokumentam Hersonesskogo muzeja-zapovednika // Tavricheskie studii.– 2016.– № 10.– S. 150–153.

26. Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», ф. 1, д. 454.

Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», f. 1, d. 454.

27. Там же, ф. 1, д. 250, л. 66–67.

Ibid, f. 1, d. 250, l. 66–67.

28. Там же, ф. 1, д. 454.

Ibid, f. 1, d. 454.

29. Прохорова Т. А. Из истории взаимоотношений Херсонесского и Керченского музеев в 20-е гг. XX в.: статья К. Э. Гриневича «Пантикапей» // XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: исследователи и исследования / НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. – Керчь, 2016. – С. 389–396.

Prohorova T. A. Iz istorii vzaimootnoshenij Hersonesskogo i Kerchenskogo muzeev v 20-e gg. XX v.: stat'ya K. E. Grinevicha «Pantikapej» // XVII Bosporskie chteniya: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednekov'ya: issledovateli i issledovaniya / NIC istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo.– Kerch', 2016.– S. 389–396.

30. Хроника // Русское дело. – Керчь, 1920.– № 116.– 27 окт. (9 нояб.).

Hronika // Russkoe delo.– Kerch', 1920.– № 116.– 27 okt. (9 noyab.).

31. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 53–54.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70, l. 53–54.

32. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 48–49.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70, l. 48–49.

33. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1922 г.), д. 59, л. 7.

IIMK RAN NA RO, f. 2, op. 1 (1922 g.), d. 59, l. 7.

Nepomnyashchiy A. A. «I'm going to privat-docent in Taurida University»: K. E. Grinevich in Crimea (1919–1921)

The eventful Kerch period of the life of one of the largest Crimean scholars of the Soviet era, a prominent museum worker of the all-Union scale, Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970), on the basis of little-known archival sources (materials of scientific archives of museums-reserves of Tauric Chersonese and East Crimean) and previously unknown articles from the local periodicals of the revolutionary years was restored. Grinevich, an associate professor of the Petrograd University, who was forcibly excommunicated from the capital by peripeteians of the fronts of civil confrontation, having lived a year in Kharkov, and then appealed to his colleague, the Director of the Museum and excavations in Khersones, L. A. Moiseyev, asking about the possibility of working in the Crimea. K. E. Grinevich's desire to lecture at the Taurida University as a privat-docent was realized. He received the required post and read courses, periodically coming from Kerch. Grinevich thanks to the patronage of L. A. Moiseev took the post of director of the Kerch Museum of Antiquities and launched an active work on the protection of cultural heritage and propaganda among the local population of archaeological culture. The scientist took the most active part in the organization of archaeological courses on the basis of the museum, of them later Bosporan University was established. In Kerch were printed in local newspapers and a number of separate editions of his publications, which until now remained unknown to the researchers of the creativity of the scientist and historians of the museum business, since they were not included in the prepared bibliographies of K. E. Grinevich's scientific works. These publications for the first time in scientific circulation were introduced.

Keywords: K. E. Grinevich, Kerch Museum of Antiquities, Archaeological courses, protection of cultural heritage.